

Борис Тищенко — один из столпов и продолжателей творческого метода Дмитрия Шостаковича, его ученик и прямой наследник — написал новую симфонию.

Желая дать в сочинении чистую музыкальную форму, авторы нередко обращаются к литературным источникам. Своим построением сюжет может поддержать автора в глазах (ушах) аудитории. Формализм неизбежно сопровождает композитора в его деятельности. Он мешает и выживанию слушателя в концертном зале (так утверждает слушатель), а значит, приспособлению самого опуса к публичной жизни. Но вот в союзники-соучредители композитор берет литератора, и таким нехитрым путем формализм оказывается обманут. Сюжет «D-Симфонии № 1» — вероятная предыстория Данте и еще живой Беатриче. Ее подзаголовок — упрек героини поэту «Меня покинув, он ушел к другим» — взят из Песни XXX Чистилища.

По словам автора, «символическую и конструктивную роль в Симфонии играют священные числа Данте 3 и 9... Тройки и девятки... свищут и мелькают... в виде ритмических и интонационных фигур... они впрессованы во всю ткань Симфонии.»

Тройки и девятки свищут и мелькают

Премьера D-Симфонии № 1

Бориса Тищенко в Петербурге
Русский телеграф, 1998, 28 марта, с. 7

Воля Тищенко с годами становится все более железной, его постройки — все более строгими. Нынешний его стиль можно назвать риторическим, и это не оценка, а качество. Композитор стремится излагать, развивать, опровергать, — понятно, не чувство и тем более не настроение, а именно мысль. Чтобы неизбежно вложить в риторику и «чувство», и «настроение». Любую тему Симфонии автор испытывает на разрыв, со всей страстью вытягивая из нее длиннейшие цепи силлогизмов. Отсюда крупное дыхание Симфонии, но отсюда же и ее почти противоестественная, цейсовская подробность, сходная с дантовым пернатим взором, обнимающим в одно время и потусторонний пейзаж, и его микроскопические живые детали. Между любыми двумя числами можно найти третье. Между любыми дву-

мя звуковыми фигурами Тищенко будто доискивается третьей, окончательно убеждающей слушателя в неслучайности их соседства. Эта абсолютизация мышления вслух оборачивается полной досказанностью. Отсутствием того, что петербургский философ Яков Друскин называл «остатком системы».

Однозначен и оркестр (премьеру играл Заслуженный коллектив республики под управлением Юрия Кочнева). Супермаскулинная поджарая фактура спаяна исключительно из тематически значимых элементов. Никакого флера, подзвучки, никакого акустического томления не допускается. Тищенко не приемлет ничего «необязательного», рамплиссажного, и оркестранты, судя по исполнению, оценили это чрезвычайное уважение — к ним, желающим быть солистами и не желающим служить винтиками звуковой ма-

шины, даже самой роскошной. Автор чувствует сродство с Данте и аттестует его (а косвенно, значит, и себя) как художника, который, «подобно многим гениальным людям, на все реагировал живо, остро; жадно участвовал в жизни, будь то детская игра или политическое ристалище». Полнота проживания этой самой жизни — и полнота симфонического развития: три больших, богато разработанных раздела симфонии соответствуют детству, отрочеству и юности Данте.

В новом полотне Бориса Тищенко с новой силой торжествует его прежний творческий метод. Метод почему-то хочется описывать в полужнакомых терминах горячего цеха: литье, прокатка, закатка и в итоге железная воля к победе над собственным материалом. Стало быть — над собой, над начальным трогательным напевом D-ребенка.

D-Симфония № 1 задумана как пролог к колоссальной Данте-эпопее. Вся получасовая пьеса представляет вступительный жест — скрупулезный, но и царственно широкий, — которым перед вами отворяют тяжкие двери. Добро пожаловать в ад.

БОРИС ФИЛАНОВСКИЙ